

ВОКРУГ

СВЕТ

9 1987

ЛЮДМИЛА
ШАПОШНИКОВА,
лауреат премии имени
Джавахарлала Неру
Фото автора

ЛАДАК: ПО ПУТИ РЕРИХА

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЛАДАКЦАМ

Ладакцы трудолюбивы. Но в этом их трудолюбию был особый оттенок, который мне не сразу удалось определить. Я наблюдала за теми, кто работал на полях, видела ювелиров, стучащих молоточками по медным чайникам, художников, выписывающих тонкой кистью затейливые линии буддистских танок, погонщиков, уходивших с караванами к далекому снежному перевалам, лам, согнувшихся над длинными ксилографами книг в монастырских библиотеках, дорожных рабочих, чистящих шоссе после очередного камнепада, наконец, клерков, сидящих в конторах над папками бумаг. В процессе этого наблюдения искомое определение возникло как-то само собой и обозначалось словом «радость». Все, кого я видела, работали радостно, хотя окружающая действительность вроде бы повода к этому не давала. Она была сурова и сложна. Каменистая почва полей, крутые тропы перевалов, промерзшие стены домов, трудные поиски дров и топлива, тяжелые снопы ячменя, которые надо поднимать на своей спине туда, где на скалах стоит деревня, — всех трудностей не перечислишь. И все же ладакцы трудились радостно.

Я не видела ладакца, который бы «раскачивался», приступая к работе: они брались за нее сразу и с удовольствием. У них начинали чесаться руки по работе с раннего утра. Они не бросали ее посередине, не доводя до конца. Когда же дело заканчивалось, ладакец несколько ошарашенно взирал на содеянное, и сразу же находил новое.

И при том они пели: пели, когда шли за плугом, когда вязали снопы, когда шли по крутой тропе в другую деревню, когда гнали яков, когда рисовали... Клерк мог громко запеть, идя по коридору конторы с бумагами, шофер пел, ковыряясь в забарахлившем двигателе, учитель, давший ребятам контрольную, тихо мурлыкал себе под нос.

Окончание. Начало см. в № 8, 1987 год.

Чтобы понять Ладак, надо пройти по узким улицам Ле, постоять у домов-башен, ответить на приветствие встречного...

Экспедиция уходит в поиск

И никто этому не удивлялся. Ибо песня в Ладаке во время работы так же естественна, как «давай-давай» или «взяли» у нас. Песня наиболее ярко выражает отношение ладакца к труду.

Можно было бы перечислить другие качества, достойные похвального слова. Среди них меня удивила и поразила чуткость ладакцев — не просто сочувствие, а умение услышать внутренне другого, понять его состояние и повести при этом себя соответствующим образом. У нас такое умение — крайне редко, в Ладаке — это норма.

Чтобы понять это, надо пройти по узким улицам Ле, постоять у домов-башен, ответить на приветствие встречного. Эти незнакомые люди точно и тонко дадут понять, какое у вас настроение. Если оно неважное, вы начинаете ловить на себе сочувствующие взгляды, в них немой вопрос: «Чем помочь?» Если настроение у вас хорошее, вы общительны, положение ваше на улицах города меняется.

— Джулей, джулей, — слышится со всех сторон. — Как поживаешь? Куда идешь?

И все вокруг улыбаются открыто и весело. Люди радуются, что у тебя хорошее настроение, и хотят его поддержать своей общительностью, приветливостью и дружелюбием.

— Джулей, джулей. Что ты делаешь? Чем тебе помочь?

Как возник в человеке, живущем в маленькой горной стране, этот удивительный тонкий склад души? Что сформировало его? Окружающая природа? Конечно. Высокие снежные горы, каждая складка которых наполнена непередаваемой красотой, горы, которые пробуждают в человеке высокий полет души и мыслей. Между горами и людьми существует полная гармония. Ладакцы еще не занялись их покорением. Они просто их слушают. И слышат. Порой мне казалось, что и горы прислушиваются к людям.

Но горы — это не только гармония, красота и запретельная космическая устремленность. Горы — это суровый и тяжкий труд, требующий сотрудничества человека с человеком, постоянного чувства локтя. Труд учил ладакцев понимать друг друга, проникать во внутреннюю суть другого и не обращать внимания на внешние случайные проявления.

Но так просто в эту внутреннюю суть проникнуть нельзя, даже если вы трудитесь с человеком бок о бок. Для такого проникновения нужен какой-то навык, который формирует традиционная культура. Культура Ладака, своеобразная и древняя, имела сильную духовную традицию. Она формировалась в течение многих тысячелетий, она шла от шаманского бона к буддизму, впитывала в себя богатую народную духовную практику. Труднодоступность Ладака помогла сохранить многое из этого и донести до наших дней.

До поездки в Ладак я считала, что пунктуальность и аккуратность — явление современной цивилизации с ее напряженным образом жизни, из вечным недостатком времени, множеством дел и большими скоростями. Но ладакцы оставили нас далеко позади. Если я улавливалась с ладакцем о встрече, то могла не беспокоиться: он появлялся минута в минуту, а чаще немного раньше. И эта аккуратность не зависела от того, кем был этот ладакец.

У меня был план работы. Когда я что-то забывала в этом плане, мне об этом напоминали.

— Вы не забыли, — спрашивал клерк Сул Тим, — что вас завтра в Ченспа ждет Колон?

— Еще раз проверьте в вашей записной книжке, — настаивал знаток края Таши Рабгез, — в котором часу мы отправляемся в монастырь Ше.

— Почему вы до сих пор здесь сидите? — спрашивал лама Палден, увидев меня у большой ступы, на которой был изображен «Конь счастья». — Через двадцать минут мы должны с вами беседовать о буддистских сектах.

И, казалось, осуждающе смотрел на меня.

Меня подгоняли, меня торопили, мне не давали сидеть сложа руки. Иногда возникало ощущение, что ход времени здесь, в горах, иной, чем в долинах Индии. Мне казалось, что оно движется медленно. Потом я поняла свою ошибку: за день в Ладаке

я успевала сделать много больше, чем в другом каком-нибудь месте. И все благодаря этой удивительной ладакской пунктуальности и аккуратности.

— Вы пропустили один пункт в вашем плане, — хитро прищурившись, говорил шофер Ригзен.

— Какой такой пункт? — спрашивала я, уверенная, что такого случиться не могло.

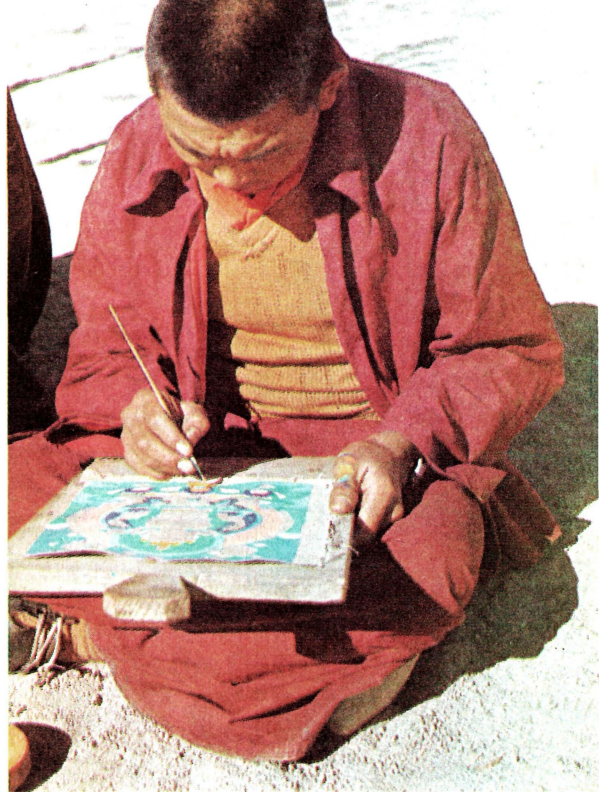
— Вы вчера вечером должны были поехать в деревню.

— Почему ты не сказал вчера?

— Я думал, что вы сами помните, — смеялся Ригзен.

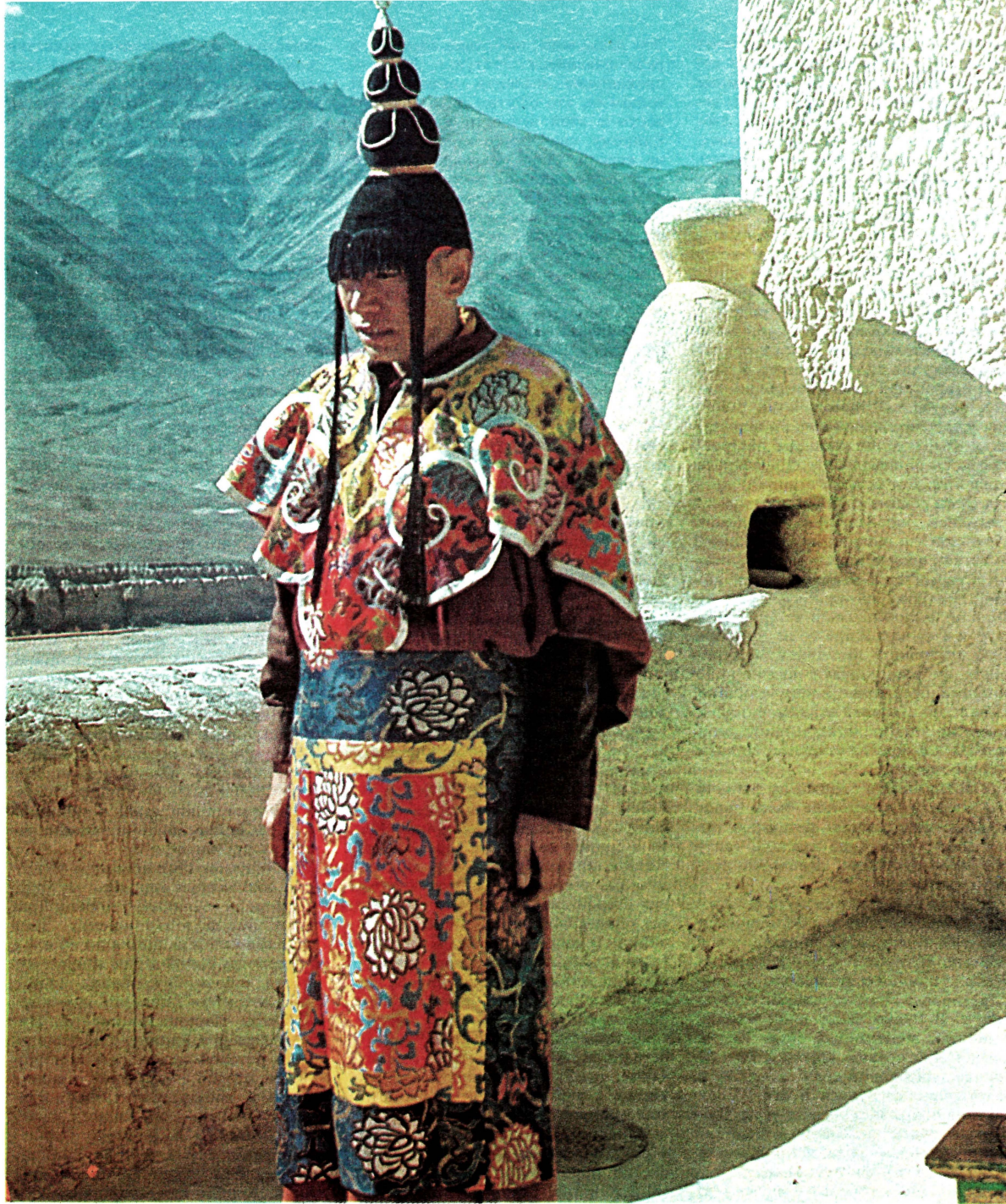
Ему просто было непонятно, как можно забыть целый пункт плана. О плане знали многие. И те, которые были к нему причастны, и их знакомые, друзья, родственники. План обсуждался на базаре, иногда о нем вспоминали в маленьких харчевнях. Все это происходило не потому, что мой план был чем-то особенным или выдающимся. Ладакцев привлекала его суть: она имела отношение к их истории и культуре, иными словами, к главным их ценностям. И они ревниво следили, чтобы эти ценности были правильно мной поняты и усвоены, чтобы ничего из того, чем они гордились, не было пропущено. В конечном счете они болели не за план. Они болели за Ладак, его историю, культуру, уникальные памятники. Но болели не абстрактно и вяло, а действительно и активно.

Эта активность проявлялась во всем. Она была в основе их выносливости, их духовного склада. Я не знаю более выносливых и надежных проводников, нежели ладакцы. Они никогда не жаловались на отсутствие еды. Уставая, не раздражались, оставались ровными, веселыми и благожелательными. Они всегда проявляли добрую волю к сотрудничеству, такому необходимому на трудных горных путях. «Вообще вся атмосфера, — писал Николай Константинович Рерих, — для нас осталась под необычайно благожелательным знаком. Без особых трудностей был собран караван для перехода через Кара-Корум на Хотан». Без особых трудностей собрать караван можно только в Ладаке. Так было пятьдесят пять лет тому назад, так остается и сейчас. Тогда, в далеком 1925 году, на пестром и шумном базаре в Ле свои услуги Центрально-Азиатской экспедиции предлагали и балтистанцы, и кашмирцы, и туркестанцы. Но умная и проницательная Елена Ивановна Рерих отобрала из этой разношерстной толпы в первую очередь ладакцев. «Все они хорошо знали дорогу, — писал Юрий Николаевич Рерих, — и были готовы разделить с нами трудности и опасности предстоящего путешествия в Восточный Туркестан. Эти люди никогда не унывают, даже во время затяжных буранов в горах, довольствуются малым и никогда не жалуются на усталость. В наших последующих странствованиях мы часто вспоминали ладакских

Культура Ладака формировалась в течение многих тысячелетий, впитывала в себя богатую народную духовную практику. Труднодоступность страны помогла сохранить многое из этого и донести до наших дней.

караванщиков, их удивительное мужество и стойкость».

Мне кажется, что эти слова были написаны в наши дни...

ПОТОМКИ ГЕСЕРА

В тот день я вернулась в гостиницу поздно вечером, и сторож вручил мне записку от Сул Тима. «Королевский дворец будет открыт завтра с 7 до 8.30 утра», — писал он. Мне долго не удавалось попасть в этот дворец, девятиэтажная громада которого возвышалась над Ле. В нем давно никто не жил, лишь старый лама сторожил былую гордость ладакских королей.

Кроме этого занятия, у ламы были и другие дела, поэтому застать его на посту было трудно.

В королевском дворце жили Рери-хи во время своего ладакского путешествия, там Николай Константинович писал свои картины. «В комнате, избранной как столовая, — занес он в экспедиционный дневник, — на стенах написаны вазы с разноцветными растениями. В спальне, по стенам, — все символы Чинтамани, камня сокровища мира. И черные от времени резные колонны держат потемневший потолок на больших берендеевских балясинах. Низкие дверки на высоких порогах. И узкие

окна без стекол. И вихрь предвечерний довольно гуляет по переходам. Пол покрыт яркендскими цветными кошмами. На нижней террасе лает черный пес Тумбал и белый Амдонг, наши новые спутники. Ночью свистит ветер и качаются старые стены...»

Раннее утро было чистым и ясным. Солнце еще не поднялось, и ответ розовой зари лежал на снежных вершинах гор. Заря пахла снегом и зимой. Легкий морозец пощипывал лицо, а изо рта шел густой пар.

Дверь дворца оказалась открытой. Небольшая и легкая, она совсем не

подходила к высокому и массивному зданию. С капителей деревянных колонн по ее сторонам глядели львиные морды. Краска на них облупилась, дерево растрескалось. Я вошла во дворец. Никого. Здесь царил полумрак, торчали полубобливающие балки, сбоку пробивался неясный, рассеянный свет. Призрачно вырисовывалась массивная каменная лестница с крутыми ступенями. Я стала подниматься по ней и поняла, что это далеко не безопасно: целые марши лестницы были обрушены, пришлось пробираться по грудам камней, рядом с темными провалами и пустотами, уходившими вниз. По залам и опочивальням гулял студенный ветер. В зияющих провалах стен гнездились дикие голуби. Потроженные мной, они с пронзительным криком взмывали к потолку, где темнели растрескавшиеся, провисшие и обрушенные балки. Доски пола сгнили и провалились, резные колонки палат растрескались, роспись стен и потолков облупилась, а в изысканных деревянных решетках окон и веранд зияли пустоты. Старых стен и Берендеевых палат, о которых писал Рерих, уже не было. А остались лишь ветер, дикие голуби и руины. И где-то на этих полубобливающих лестницах, в переходах, на разошедшихся досках пола остались невидимые следы человека из далекой северной страны, который ходил по этим палатам и писал свои великие картины на открытых горным ветрам галереях.

Я поднималась с этажа на этаж. И чем выше, тем заметнее были необратимые разрушения, печальнее гулел ветер, тревожнее кричали голуби. Снова лестницы, переходы, пустые галереи.

Неожиданно на моем пути возникла рассыпавшаяся, облупившаяся дверь. Я толкнула ее и оказалась в темноте. В глубине слабо и неверно мерцали язычки свечей. Потом я различила позолоченную статую Будды. У Будды были синие волосы и желтая монашеская тога. Рядом плясал многорукий красный бог. Я попала в дворцовый храм. Угасание и разрушение коснулись и его. Серая паутина покрывала темные углы, старинные танки запылились, настенная роспись померкла. Из полумрака возникла сухая фигура ламы.

— А где король? — почему-то спросила я его.

— Король умер, — печально ответил лама и наклонил голову.

— А королева?

— Тоже.

— А кто же остался?

— Вдовствующая королева и наследный принц.

— А кто же вдовствующая королева?

— Дочь покойного короля.

— Лама, — сказала я, — в этом дворце когда-то жил русский художник. Его пригласил король Ладака.

— Я об этом не знаю, — печально покачал головой лама. — Людская память коротка. Людская жизнь быстротечна. Что остается после нас?

Эти развалины, гибнущие картины и разрушающиеся статуи... Люди — переходящие пылинки вечности. И только те, кто ощутил свою причастность к этой вечности и Великому Единому, еще что-то могут. Но они не короли, они — Великие души. А короли умирают, их дворцы — тоже.

Мы вышли на открытую галерею. Лама языко завернул в тогу. Солнце высоко стояло над горами.

— А этот русский был великим художником? — неожиданно спросил он.

— Да.

— Значит, король жил не зря. Он встретил в своей жизни великого художника.

Я вышла из дворца и стала спускаться вниз, к базару. От базара королевский дворец, освещенный ярким солнцем, выглядел массивным и неприступным.

Королевский дворец в Ле построили в XII веке по образцу лхасской Поталы. Потом обстоятельства вынудили ладакских королей построить в Стоке другой дворец. Вдовствующая королева и наследный принц жили теперь там. Мне не удалось их увидеть: королева заседала в парламенте в Дели, а принц, офицер индийской армии, служил в своей части.

Королевская династия Ладака, как писал Рерих, вела «свое происхождение от героического Гесер-хана». Гесер-хан жил в далеком и таинственном прошлом, когда еще не было хроник. Историю королей Ладака записали позже на тибетском языке. Гесер-хан, полубог и герой, совершал свои подвиги в нереальном мире где-то в центре земли, на горе Лун-по. Четыре грозных короля с лицами-масками стерегли гору со всех четырех сторон света, четыре континента покоились на водах океана. В его глубинах светились драгоценными камнями дворцы королей нагов. Из этого времени пришли сказания о мифических королях Тибета, от них тонкая нить протянулась в VII век, к королю Сронцангампо, вводившему на Тибете учение Будды. А потом — к Ландарме, пытавшемуся сокрушить это учение и укрепить веру своих предков, древний бон.

Ландарма, как повествует хроника, и стал родоначальником первой династии королей Ладака на рубеже IX и X веков. Горная страна на западе Тибета обрела тогда самостоятельность. Короли династии носили титул «Лха-чен» — «Великий бог». Первый из них, Ньяма-гон, был потомком Ландармы, завоевавшим Ладак. «Великие боги» правили Ладаком или той частью, которую им удалось завоевать, до XV века. Правила вполне «по-людски»: участвовали в феодальных междоусобицах, совершали воинственные набеги на соседей, враждовали с родственниками и потомками, строили замки и монастыри, укрепляли буддизм и сокрушали древний бон.

В конце концов ради власти над Ладаком один из них отрекся от «Великих богов» и основал свою, новую,

династию, предварительно захватив трон в Ле. Династия получила имя «Намгьял» — «Совершенный победитель». Первый из них и обнаружил связь своей династии с великим Гесер-ханом. Король в новой династии было много, но далеко не о каждом из них слагали песни.

Больше всех повезло Сенге Намгьялу, или Льву. Это он выстроил девятиэтажный дворец в Ле, тайный монастырь Хемис, спрятанный в ущелье, приказал воздвигнуть в Басго статую Майтрейи высотой в три этажа. Король Лев был силен и отважен. Дважды он ходил на войну и возвращал захваченные у Ладака земли. В наставниках у Льва был лама Сток Цанг-рас-чен. «Сток» — значит «Тигр». Хотя в Ладаке лам было, наверное, не меньше, чем воинов, ламу Тигра помнят до сих пор. Если в народе сохранялась память о ламе, значит он был необычным ламой, великим ламой. Таким и был лама Тигр, королевский наставник и советник. Никто не помнил, и исторические хроники Ладака об этом умалчивают, откуда появился лама Тигр. Он был высок и статен, и упругой, неслышной походкой действительно напоминал тигра. Лама Тигр много лет провел рядом с королем Львом. Король ничего не предпринимал без его совета и согласия. Тигр выбирал места для монастырей, наблюдал за их постройкой, был неутомимым ходяком и легко переносил суровый климат Ладака. Он заставлял лам быть прилежными в тайных науках, по его повелению ламы в монастырях сели за переписку старинных тибетских рукописей.

Иногда лама Тигр исчезал и подолгу не появлялся в королевском дворце. Но лишь возникала у короля Льва острая нужда в его советах, Тигр приходил сам или присылал гонца с письмом, где был ответ на вопрос, мучивший короля. В хрониках Ладака сообщаются три факта из жизни ламы Тигра. Первый: он посетил Индию, Кашмир и Удияну, о местоположении которой до сих пор спорят востоковеды. Второй — он видел и знал в лицо всех восемьдесят четырех святых. И третий — он написал книгу «Путешествие в Шамбалу».

...Настало время, и лама Тигр решил навсегда покинуть королевский дворец. Король Лев щедро вознаграждал его, дав ламе сто лошадей, сто яков, тысячу овец, тысячу рупий, триста граммов золота, три тысячи мер зерна, нитку жемчуга, нитку кораллов, нитку бирюзы, двадцать пять копий, двадцать пять мечей, двадцать пять штук шелка и еще кое-какую мелочь. Больше великого ламу Тигра в Ладаке не видели, но память о нем продолжает жить.

Король Лев умер в 1620 году. Его потомки перессорились между собой, испортили отношения и с Кашмиром. Правители Кашмира зарисовали на Ладак. Они хотели иметь свою долю в караванной торговле и держать перекресток в своих руках. Не оставляла Ладак в покое и Лхаса. Монголь-

ский полководец Гуши-хан, ставший правителем Тибета, ждал удобного случая для вторжения. И случай представился в середине XVII века: желтые шапки поссорились с красными. Гуши-хан выслал войска на помощь желтошапочникам, и монголы дошли до Басго. Часть Ладака отошла к Тибету. Шли годы. Один «Совершенный победитель» сменял на троне другого. Династия Намгиялов выдыхалась...

В 1834 году, в год лошади, на сторожевых башнях Ладака затрепетало тревожное пламя. Оно бежало светящейся цепочкой по хребтам и перевалам, извещая народ Ладака о великой опасности с запада. Воины ладакской армии были храбры и выносливы. Но положение дел в королевстве не могло не сказаться и на армии. Терпя поражение за поражением, ладакцы задерживали продвижение армии кашмирского военачальника Зоравара. Силы были неравны. И догры — властители Кашмира — стали правителями Ладака. В летнем королевском дворце в Стоке остался последний «Совершенный победитель» восьми лет от роду. Правящая династия Намгиялов кончилась, превратившись в вассала кашмирского раджи.

В 1947 году, когда Индия освободилась от англичан, Ладак стал округом штата Джамму и Кашмир.

Но Ладак остался Ладаком, столь же непохожим на соседний Кашмир, как и на другие районы Индии. Намгиялов по-прежнему называют королями, хотя в их распоряжении остались только разрушающийся дворец в Ле, королевский монастырь, да лишь временами обитаемый дворец в Стоке, где укрывался когда-то от буй и невзгод восьмилетний продолжатель династии Намгиялов.

Намгиялы — это целый род, из которого выходили и министры, и военачальники, и знать, и богатые феодалы. Они продолжают жить в своих замках, принимают почет и уважение от простых ладакцев и занимаются тем же, что во времена, когда «Совершенные победители» еще правили Ладаком.

Конечно, время и обстоятельства внесли в эти занятия свои коррективы. И поэтому Колон Намгиял называется не премьер-министром, а «выдающейся персоной», так именуют его в последнем путеводителе по Ладаку.

К этому некогда могущественному феодалу Колону Намгиялу я и отправилась морозным ясным утром. Я встретила его неподалеку от деревни в сопровождении двух крестьян. У Колона было крупное породистое лицо с орлиным носом. Шелковый халат спускался до мягких, с загнутыми носами, сапог. Узнав, что я иду к нему договариваться о встрече, он заволновался, оставил своих спутников и повел меня к себе.

— Базар подождет, — объяснил он на ходу. — А гостя с дороги не возвращают. В Ладаке это не принято.

Мы прошли всю деревню. На окраине ее стоял дом Колонов. Даже не дом, а трехэтажный замок с башней наверху, окруженный высокой крепостной стеной, сложенной из необработанных крупных камней. Колон толкнул массивную дверь в стене и закричал с порога:

— Я гостя привел! Встречайте!

Появился сухоощавый и горбоносый высокий юноша. За ним пришла миловидная женщина. Бирюза на ее пераке переливалась в лучах утреннего солнца и играла всеми оттенками синего и голубого. Несколько слуг вынырнули из глубины густого сада, окружавшего замок, и застыли в ожидании приказаний.

— Это, — сказал Колон, — мой сын Ванчок, а это моя невестка.

У Колона было три сына. Старший — офицер, средний занимался альпинизмом, участвовал в нескольких крупных гималайских восхождениях. Младший Ванчок учился в колледже.

Меня провели в сад, в глубине которого стоял изящный павильон, яркий и легкий, с изогнутой китайской крышей. В павильоне было тепло и солнечно. За его стеклянной стеной на фоне темно-синих хребтов горели всеми красками поздней осени еще не опавшие листья деревьев. Низкие расписные столики и шкафчики стояли на мягких коврах ладакской работы. Слуга принес серебряный чайник, на котором извивались сказочные драконы. Позванивали тонкие фарфоровые чашечки.

— Здесь когда-то были фрески, — сказала я. — И на них был изображен Гесер в красном кафтане и белом плаще.

Колон подозрительно уставился на меня.

— А вы откуда знаете? — удивленно спросил он.

Ванчок, наблюдая за отцом, рассмехался:

— Об этом писал Франке еще в начале века.

— Гесер был великим героем и воином, — сказал Колон. — И в нашем роду, как и у королей, часть его крови. А фрески исчезли. Они пришли в негодность, и, когда ремонтировали павильон, их закрасили.

— Разве дело во фресках? — сказал Ванчок. — Главное — память народа. Она хранит Гесера до сих пор. Гесер был великим царем и посещал чудесную гору Лун-по, центр мироздания. У нас до сих пор есть праздник в честь Гесера. Тогда мы поем о нем песни, стреляем из лука. Если вы сможете остаться до весны, то все это увидите.

Я не могла остаться.

— Хотите, — неожиданно предложил Колон, подав вперед свое грузное тело, — я спою вам песню о Гесере?

И, не дожидаясь согласия, запел. Песня захватывала, уводила в неведомый мир, древний как земля, родившая эти звуки. Колон кончил петь, распрямился и победно, молодо глянул на меня. Но песня неведомым об-

разом еще звучала — теперь уже во мне самой.

— Что это? — спросила я.

— Прощание Бругумы с Гесером, — ответил Ванчок. — Перевести? Отец спел ее на ладакском языке: *О, мой умный царь!*

Когда ты уходишь в верхнюю страну богов

И видишь всех фей небес, Тогда не забывай свою жену из земли людей!..

— Хотите послушать мелодию, что звучит во время стрельбы из луков?

Теперь запел Ванчок. Мелодия дрожала, как натянутая до отказа тетива, затем начинала гудеть, как выпущенная из лука стрела, преодолевающая сопротивление воздуха. Этот неровный ритм нес в себе удивительное очарование. Казалось, из самой музыки рождался образ лучника, пускающего в цель стрелу. Над лучником трепетало пламенеющее рассветное небо. Мелодия вызвала у меня в памяти картину Рериха «Гесер-хан». Она точно легла на мелодию, слилась с ней в единое целое. Мне всегда казалось, что в картинах Рериха есть своя музыка, но я не предполагала, что великий художник сумел перенести на полотно конкретную мелодию, выразив ее цветом и линией. Это потрясло меня. Теперь я почти не слышала веселую, победную мелодию, отмечавшую доблесть меткого стрелка.

Потом я бывала у Колонов не раз. Приходил Ванчок, и мы отправлялись в старинный замок на окраине деревни Ченспа. Замок был густо населен чадами и домочадцами, и его просторные помещения с трудом вмещали их. Семья разрасталась, и всех надо было кормить и учить. Феодал Колон, владелец двадцати пяти акров земли, вынужден был искать дополнительный доход. Он занялся обслуживанием туристов. Недалеко от замка он построил двухэтажный отель и постепенно из феодала стал превращаться в бизнесмена. В того особого ладакского бизнесмена, у которого был и родовой замок, коллекция оружия, которым его предки защищали Ладак, сундуки со старинной одеждой, открывавшиеся по праздникам, и, наконец, собственный храм в замковой башне.

В храме на полке застекленного шкафа лежала завернутая в красный шелк рукопись ладакской версии о Гесере и стояла скульптурка бога войны с цветными флагами на круглой шапке, похожей на тюрбан.

Зимними вечерами многочисленное семейство Колонов собиралось в просторной кухне, которая являлась центром общественной активности любой семьи в Ладаке. Горел яркий огонь в печи, сверкал медной чеканкой до блеска начищенный знак «Норбу Римпоче» — «Сокровища мира», одна за другой звучали баллады о Гесере. И казалось, огонь домашнего очага растет, поднимаясь вверх, и заливают багровым отсветом небо над снежными вершинами. И на этом небе возникает фигура всадника, натянувшего тугую старинный лук...

На первой странице обложки: БУТАН. Тонкие прутки — мишени для стрельбы из лука.

Стрельба из лука — не только национальный вид спорта, это искусство самоуглубления, без которого, как считают бутанцы, не может выковаться характер настоящего мужчины. Не так важен результат, как умение сосредоточиться. Стрельба из лука предшествует любому празднику или другому знаменательному событию в стране.

На нашей третьей странице обложки изображены обычные сценки из жизни Дамаска. Но все сценки имеют отношение к питанию.

Основа питания каждого народа — то, что дает его земля. Сирийская кухня отличается прежде всего огромным количеством овощей и зелени, потому что земля страны плодородна, а культура земледелия отточена веками. Кроме того, сирийская кулинария испытала сильное влияние персидской и турецкой.

(Заметку «Превосходный таббуле» см. на стр. 50.)

В номере использованы фотографии из журналов: «Нэшнл джيو-график» (США), «Гран репортаж» (Франция).

Художественный редактор М. Федоровская
Макет Г. Комарова. Технический редактор О. Бойко

© «Вокруг света»

Сдано в набор 01.07.87. Подп. к печ. 07.08.87. А07194. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 28,56. Учетно-изд. л. 11,1. Тираж 2 800 000 экз. Заказ 156. Цена 80 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 103030, Москва, К-30, Сушеская, 21.

«Вокруг света», 1987, 1—64, ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 70142.

ВОКРУГ

СВЕТА

9 1987

Человек и его дело

- 1 К. МАТВЕЕВ
ЭВМ находит олово

Природа и мы

- 3 Виктор КУЛИКОВ
Рыбалка в Тишкове
- 38 Ю. САВИЦКИЙ
На гребне волн
- 40 Валентин БОЖУКОВ
Постоянство тревоги

О странах и народах

- 6 Алексей КУВШИННИКОВ
Кокаинное Эльдорадо
- 12 В. ЛЕБЕДЕВ
Взгляд на Пловдив с трех холмов

Мифы, сказки, легенды

- 18 Сказки народа овамбо (Намбия)

Кают-компания

- 20 В. БАБЕНКО
Бенгт Даниельссон: «Больше знать друг о друге!»
- 25 Бенгт ДАНИЕЛЬССОН
Тикопия — самый последний рай на земле

- 27 Станислав ЛАЗУРКИН
Ньюфы работают

Экспедиция уходит в поиск

- 30 Людмила ШАПОШНИКОВА
Ладак: по пути Рериха
- 36, 50 Читатель спрашивает.
Читатель сообщает.
- 37 Заочная летучка

- 47 В. ЗАДОРОВЫЙ
Как динозавры подарили нам...
- 49 В. САВИН
Музей ненайденных экспонатов

Дело вкуса

- 50 Г. ТЕМКИН
Превосходный таббуле

Романы, повести, рассказы

- 52 Хэммонд ИННЕС
Большие следы. Роман
- 60 Николай ОРЕХОВ,
Георгий ШИШКО
Странная книга. Фантастический рассказ

Далекое — близкое

- 61 Владимир УСТИНЮК
На расстоянии дня пути

- 62 Пестрый мир